

И.Я. Порфирьев

**Краткий курс истории
древней Русской словесности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Я. Порфирьев**
Краткий курс истории древней Русской словесности / И.Я. Порфирьев – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 317 с.

ISBN 978-5-517-98324-4

ISBN 978-5-517-98324-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мыслими лица, участвовавшія въ нихъ, становится *героизмъ*: въ этихъ герояхъ народъ представляетъ свои идеалы красоты, силы и храбрости, хитрости, ловкости, терпѣвья и другихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Сказанія о героическомъ періодѣ выражаются въ героическихъ пѣсняхъ (таковы напр. наши быльницы о богатыряхъ), изъ коихъ образуются потомъ у нѣкоторыхъ народовъ обширныя героическія поэмы (напр. Илиада и Одиссея у грековъ).

Историческій періодъ въ народной жизни начинается съ того времени, когда народъ изъ племеннаго быта переходитъ въ гражданскій, образуя изъ себя общество съ опредѣленными формами государственной жизни, и когда факты этой жизни записываются на страницахъ *исторіи*. Въ этотъ періодъ является исторія, философія или наука вообще и ораторское искусство.

Самую важную эпоху въ исторіи развитія и образованія народа составляетъ появленіе у него письменности: эта эпоха весьма рѣзко раздѣляетъ и его словесность на два различныя рода: *словесность устную, народную и словесность письменную, художественную*.

Область *народной словесности*, или върѣе *народной поэзіи* составляютъ: мѣлическія и героическія пѣсни, быльницы, поэмы, сказки, пословицы, заговоры и загадки. Эти произведенія называются *естественной или безискусственной поэзіей*, потому что они создаются естественными силами народа, безъ помощи науки, искусства и образованности, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ и развиваются произведенія словесности письменной. Въ эпоху созданія этихъ произведеній у народа не бываетъ еще ни науки, ни искусства: и науку, и искусство, и вообще все, что называется образованіемъ, тогда замѣняютъ для народа преданія предковъ. Эти преданія, идущія съ самыхъ древнихъ временъ и, какъ священныя завѣтъ старины, неизмѣнно передаваемыя отъ предковъ къ потомкамъ, служатъ единственнымъ руководствомъ для народа во всѣхъ случаяхъ жизни. Воспитываемый на однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ преданіяхъ, весь народъ, естественно, долженъ имѣть одинаковый взглядъ на все въ мірѣ: здѣсь не можетъ быть рѣзкаго различія во взглядахъ и направленіяхъ отдѣльных личностей, какое неизбежно бываетъ въ эпоху образованія искусственнаго, когда люди воспитываются, живутъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ разныхъ, часто противоположныхъ, вѣрованій, ученій, системъ: напротивъ всѣ люди на все смотрятъ болѣе или менѣе одинаково, всѣ руководствуются въ жизни одними и тѣми же преданіями. И потому, произведенія словесности, возникающія въ эту эпоху, являются созданіями цѣлаго народа, а не отдѣльных личностей. Разумѣется, были извѣстные лица, которые сложили пѣсни, сказки,

былины, пословицы; но эти лица выразили въ своихъ произведеніяхъ не свой личный взглядъ, а взглядъ и преданія цѣлаго народа; и потому произведенія ихъ сохранились, а имена исчезли. Съ другой стороны, такъ какъ народъ, передавая эти произведенія устно изъ рода въ родъ, много измѣнялъ и прибавлялъ въ нихъ, то они служатъ выраженіемъ не только не личнаго взгляда ихъ первоначальныхъ составителей, но и не одной эпохи, а часто нѣсколькихъ эпохъ, которыя въ нихъ смѣшиваются: смѣшеніе эпохъ, лицъ и событій, или такъ называемые анахронизмы составляютъ отличительную черту народныхъ произведеній. Указанному характеру содержанія народныхъ произведеній вполне соответствуетъ и внѣшняя ихъ форма. Какъ нѣтъ различія во взглядахъ составителей народныхъ пѣсней, такъ нѣтъ рѣзкаго различія и въ ихъ выраженіи; пѣвцы и рассказчики употребляютъ только обычные формы, слова и обороты, которые издавна сложились въ народѣ и неизмѣнно повторяются. И потому, при разборѣ извѣстной пѣсни или сказки, не можетъ быть и рѣчи о *слогѣ* ихъ составителей, а можно говорить развѣ только о *слогѣ* цѣлой народной поэзіи, или по крайней мѣрѣ цѣлой какой-либо ея области. Этотъ слогъ, съ небольшими измѣненіями, общій всѣмъ народнымъ словеснымъ произведеніямъ, отличается особенною простотою, ровностію и спокойствіемъ тона и постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ и оборотовъ при разсказѣ объ извѣстномъ предметѣ.

Такъ какъ въ эпоху созданія народной словесности преобладающею силою надъ всѣми силами души въ народѣ бываетъ фантазія, то вся народная словесность относится къ области поэзіи, или всѣ ея произведенія имѣютъ поэтическій характеръ: всякая мысль, чувство и стремленіе облекаются въ образы. Поэзія обнимаетъ въ это время всѣ отрасли духовной дѣятельности человѣка: религіозныя мнѣнія вѣрованія выражаются въ религіозныхъ гимнахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, заговорахъ и заклятіяхъ: сумма народной мудрости и знанія—въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ; нравственные поучительные примѣры—въ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ. Прозапческія, историческія, ученыя и ораторскія сочиненія начинаютъ появляться со времени развитія письменности и книжнаго научнаго образованія. Да и изъ формъ поэтическихъ не всѣ достигаютъ въ народной словесности надлежащаго развитія. Драма, какъ вышій родъ поэзіи, требующій высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, почти и не является въ народной словесности; только зачатки ея можно усматривать въ религіозныхъ хорахъ и хороводныхъ пѣсняхъ. Лирика главнымъ образомъ выражается въ формахъ бытовыхъ и семейныхъ пѣсень. Преобладающую форму народной поэзіи со-

ставляетъ *эпосъ* — *разсказъ*. Эта форма вполне соответствуетъ самой сущности народной поэзіи, потому что основу ея составляютъ *преданія* предковъ, *разсказы* о временахъ прошедшихъ.

Съ появленіемъ у народа письменности, народная словесность, естественно, падаетъ: лучшія силы народа отвлекаются въ область словесности книжной, гдѣ сосредоточивается дѣятельность всѣхъ талантливыхъ грамотныхъ и образованныхъ людей. Если книжная словесность у народа развивается правильно и самостоятельно, безъ подавляющаго народныя начала вліянія чуждой образованности, то словесность народная не теряетъ своего значенія: она становится источникомъ и матеріаломъ для книжной словесности, которая въ своихъ произведеніяхъ работаетъ и выражаетъ въ художественныхъ формахъ преданія народные, сохранявшіяся въ народной словесности. Такъ было напр. у грековъ, у которыхъ письменная поэзія создавалась на произведеніяхъ народной поэзіи. Но если письменная словесность возникаетъ и развивается подъ вліяніемъ чуждой образованности, тогда народная словесность надолго забывается. Оставленная въ пренебреженіи, не подкрѣпляемая новыми талантами, она остается удѣломъ только простого народа, и, естественно, подвергается искаженію. Только уже впоследствии, когда, по особымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ народѣ или образованныхъ его классахъ обнаруживается стремленіе къ забытой ими народности, произведенія народной словесности начинаютъ собираться въ отдѣльные сборники и получаютъ значеніе историческихъ матеріаловъ и памятниковъ прошлой народной жизни. Такова была судьба нашей русской народной словесности.

Произведенія *книжной словесности*, развивающейся при другихъ условіяхъ, чѣмъ при какихъ возникаетъ словесность устная, народная, естественно, являются съ другимъ характеромъ. Такъ какъ они развиваются подъ вліяніемъ научнаго книжнаго образованія, составляются подъ руководствомъ теорій, по существующимъ литературнымъ образцамъ, то, само собою разумѣется, получаютъ печать этихъ теорій и образцовъ, и потому, въ противоположность *естественнымъ* произведеніямъ народной словесности, называются *искусственными* произведеніями. Такъ какъ составители ихъ выходятъ изъ образованныхъ классовъ общества, и такъ какъ жизнь этихъ классовъ, по своему развитію, представляетъ болѣе богатства, разнообразія и интереса для литературныхъ произведеній, чѣмъ жизнь другихъ классовъ, то она преимущественно въ нихъ и изображается. И потому, произведенія книжной словесности никогда не являются, подобно народнымъ произведеніямъ, выразителями всей народной жизни; они всегда выражаютъ жизнь тѣхъ или

другихъ слоевъ общества отдѣльно, и притомъ въ извѣстное определенное время. Сюжеты изъ низшихъ классовъ народной жизни заимствуются также писателями, или по особенному личному сочувствію, или когда, въ слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ причинъ, является потребность знакомства съ народною жизнью въ ея первоначальномъ источникѣ. Въ общихъ этихъ случаяхъ, *степень народности* въ словесныхъ произведеніяхъ, т. е. насколько они будутъ вѣрны общему характеру народной жизни, всегда зависитъ сколько отъ того, какъ глубоко писатель умѣлъ уразумѣть и выразить существенныя ея отличительныя черты, столько же и отъ того, въ какой степени эти черты сохранились и выражаются въ самомъ изображаемомъ классѣ народа. Но какъ бы ни было произведеніе вѣрно характеру народа, или того или другаго класса народа въ извѣстное время, на немъ всегда отразится еще характеръ самого писателя, его личнаго взгляда и направленія. Кромѣ того, сама жизнь народная, развиваясь въ разные времена, подъ вліяніемъ разныхъ вѣрованій, теорій, системъ и другихъ историческихъ условій, представляетъ удивительное разнообразіе взглядовъ и направленій, правовъ и характеровъ; и потому произведенія словесности, изображающія такую жизнь, въ противоположность *монотонности и однообразію* безыскусственной народной поэзіи, отличаются чрезвычайнымъ *разнообразіемъ*, какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, по слогу и языку. Наконецъ, всѣ произведенія народной словесности, возникающія подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства, имѣютъ поэтическій характеръ: въ эпоху же книжной словесности, развивающейся подъ руководствомъ умственного и научнаго образованія, первое мѣсто занимаетъ *литература ученая*. Въ ученой литературѣ относятся всѣ произведенія, въ которыхъ выражается умственная дѣятельность народа, всѣ сочиненія и изслѣдованія его по разнымъ наукамъ. Эта литература становится главнымъ руководителемъ и двигателемъ просвѣщенія; отъ нея зависитъ, какъ въ развитіи, такъ и въ направленіи своемъ, и поэзія, которая дѣлается настоящимъ органомъ науки и проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ ея идеи. При этомъ она, впрочемъ, нисколько не смѣшивается съ ученой литературой, но составляетъ самостоятельную область—область *литературы художественной*.

Настоящая ученая и художественная словесность развивается у народа не вдругъ, а иногда спустя очень долгое время послѣ появленія у него письменности, особенно когда у него образованіе книжное совершается подъ вліяніемъ чуждой образованности. Въ этомъ случаѣ книжная письменная словесность обыкновенно начинается *переводами* произведеній словесности другихъ

народовъ и особенно того народа, у котораго заимствуется письменность, а вмѣстѣ съ нею и первыя начала образованности. За переводами слѣдуютъ *заимствованія и подражанія* произведеніямъ словесности другихъ народовъ. Самостоятельныя же, ученыя и художественныя, произведенія начинаютъ появляться съ того времени въ народѣ, когда онъ, созрѣвая въ умственномъ отношеніи, старается освободиться отъ подражательности иноземнымъ вліяніямъ. Такимъ путемъ развивалась наша русская книжная словесность, которая въ древнемъ періодѣ находилась подъ вліяніемъ преимущественно греческой образованности и словесности, а въ новомъ періодѣ—подъ вліяніемъ словесности новыхъ европейскихъ народовъ.

Древній періодъ русской словесности отъ начала письменности продолжается до Петра В., а новый періодъ—отъ Петра В. до нашихъ временъ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Произведенія народной словесности весьма долго оставались не записанными, очень естественно, что многія изъ нихъ совершенно утратились, а сохранившіеся подверглись порчѣ и искаженію. Передаваемые устно отъ одного поколѣнія къ другому, людьми незнакомыми съ образованіемъ, они дошли до насъ съ разными ошибками и разными измѣненіями и дополненіями, какія они получили въ разные времена при переходѣ отъ однихъ людей къ другимъ. Въ нихъ много анахронизмовъ или смѣшенія разныхъ эпохъ, лицъ и событій. Поэтому и разсматривать ихъ въ строгомъ историческомъ порядкѣ, по вѣкамъ, какъ разсматриваютъ произведенія книжной словесности, не удобно; большую часть изъ нихъ трудно, а нѣкоторыя и совершенно невозможно приурочить къ какому-нибудь опредѣленному времени. Гораздо лучше мы можемъ познакомиться съ ними, когда будемъ разсматривать ихъ по родамъ и отдѣламъ, на которые они могутъ быть раздѣлены. Всѣ произведенія народной словесности можно раздѣлить, главнымъ образомъ, на два отдѣла: I) отдѣлъ свѣтской, непосредственной народной словесности, возникшей изъ началъ народной жизни, безъ прямого участія книжнаго образованія и книжной словесности, и II) отдѣлъ словесности духовной или религіозной поэзіи, развившейся подъ вліяніемъ письменныхъ произведеній церковной словесности. Къ первому отдѣлу относятся: пѣсни разнаго рода, сказки и пословицы; ко второму — духовные стихи и легенды.

I. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Самый богатый отдѣлъ нашей народной словесности составляютъ пѣсни разнаго рода. Многія изъ нихъ сложены, вѣроятно, еще въ самыя отдаленныя времена; другія принадлежать къ разнымъ позднѣйшимъ историческимъ эпохамъ. Въ нихъ изображаются разные народныя преданія о прежнихъ временахъ, нравахъ и обычаяхъ, передаются рассказы о прежнихъ людяхъ и собы-

тіяхъ: это народный эпосъ, неписанная лѣтопись народа о своей жизни. Поэтому народъ и называетъ эти пѣсни *былью*: „сказка—сладка (вымыселъ)“, а пѣсни *быль*“, говоритъ одна народная поговорка, а нѣкоторыя пѣсни, именно богатырскія, прямо и называются *былинами*. Народъ хранитъ и передавалъ эти пѣсни, какъ дорогія для него воспоминанія о временахъ прошедшихъ; сохранившіяся въ нихъ преданія предковъ служили для него своего рода руководствомъ и въ этомъ отношеніи замѣняли для него книги и книжное образованіе, которыхъ у него не было.

Всѣ пѣсни, по характеру ихъ содержанія, можно раздѣлить на 1) мнѣческія или обрядныя, 2) богатырскія или былины, 3) историческія и 4) бытовыя или семейныя.

1) МНѢЧЕСКІЯ ИЛИ ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

Обрядными называются тѣ пѣсни, которыми сопровождаются праздничныя игры и семейные обряды и въ которыхъ сохранились слѣды мнѣческихъ вѣрованій нашихъ предковъ и старыхъ языческихъ обрядовъ: это пѣсни *Колядскія*, *Осеневыя*, *Семичкія или Троихкія*; *Купальскія* и нѣкоторыя свадебныя пѣсни.

Старинныя мнѣческія вѣрованія нашихъ предковъ, какъ народа индо-европейскаго племени, имѣли индо-европейскую основу и потому представляютъ много сходства съ древними мнѣческими вѣрованіями другихъ индо-европейскихъ народовъ ⁽¹⁾. Подобно другимъ индо-европейскимъ народамъ, наши предки въ своихъ божествахъ олицетворяли разныя стихіи, силы и явленія природы. Они обоготворяли *небо* подъ именемъ *Сварога* (отъ санскр. *sur*—блистать *sur*=*swar*=небо), который въ нашей мнѣологій соответствуетъ индійскому *Варуну* и греческому *Урану*, и подобно *Урану*, былъ, вѣроятно, самымъ стариннымъ божествомъ, такъ что другія божества, въ которыхъ были олицетворены разныя явленія на небѣ, назывались уже его дѣтьми. „И послѣ (послѣ Сварога), царствова сынъ его, именемъ *Солнце*, егоже наричють *Дажь-богъ*“, сказано въ Ипатьевской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 2, стр. 5). *Дажь-богъ* (слово *дажь* прилаг. отъ дагъ, нѣм. *tag*, санскр. *ahan* вмѣсто *dahan*, день, свѣтъ), въ которомъ олицетворялось солнце, былъ сынъ Сварога: о немъ упоминается въ лѣтописи Нестора и въ Словіѣ о полку Игоревѣ, гдѣ весь народъ

⁽¹⁾ Полное изложеніе мнѣческихъ представленій вообще славянскихъ племенъ, въ связи съ мнѣческими сказаніями другихъ индо-европейскихъ народовъ, находится въ сочиненіи Довнар-Запольскаго: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу... т. I. 1863. т. II. 1868. т. III. 1869.

Русскій называется *внукомъ Дажь-бога*. Другой сынъ Сварога былъ *Слозь* (индйскій Агни). „И *отъви* молятся, зовуть его *Сварожичемъ*“, сказано въ словѣ Христороуба. Вѣроятно, это *огнь солнечный*, который назывался еще *Хорсоломъ*; огнь же молній, или молнію и громъ олицетворяли и почитали въ образѣ *Игроды*, который соответствовалъ индйскому *Индру*, греческому *Зевсу* и скандинавскому *Тору*. Къ солнечнымъ же божествамъ принадлежалъ, конечно, и *Волозь* или *Велесъ* (*Вѣлесъ*), который соответствовалъ греческому *Геліосу* (Фебу, Аполлону); онъ называется сотѣльнымъ богомъ и подобно Геліосу признавался зачинникомъ стада; подобно Фебу, онъ считался покровителемъ пѣвцовъ; вѣщій Боянь въ словѣ о полку Игоревѣ называется его внукомъ. Въмѣстѣ съ небомъ и его свѣтилami, солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, поклонялись, вѣроятно, *матери сырой земли*, на что могутъ указывать народные обычаи — клиться землею, обращаться къ землѣ въ случаѣ болѣзни, и другіе обряды, доказывающіе почтеніе къ землѣ (Аванасьева Поэтич. возз. т. I. 142—156). Стихи и силы природы, вѣроятно, также олицетворены были въ какихъ нибудь существахъ титаническаго характера, черты которыхъ въ послѣдствіи могли перейти на древнихъ богатырей нашего эпоса, отличающихся стихійными качествами, и на разныхъ чудовищъ, съ которыми сражаются эти богатыри. О Полянахъ въ Софійскомъ Временникѣ сказано: „бѣху же тогда погани, жруще озерамъ и колодезямъ и рощеніямъ“ (И. С. Л. т. V, стр. 84). Божествомъ водной стихіи былъ *Воданикъ*, который въ былинахъ о кунцѣ Садкѣ называется морскимъ царемъ; богомъ вѣтровъ былъ *Стрибогъ*; его внуками называются вѣтры въ словѣ о полку Игоревѣ; въ лѣсахъ царилъ *Лѣсній* (лѣсной богъ). Божествомъ домашнего очага былъ *Дядушка-домовой*; души умершихъ предковъ почитались въ *Русалкахъ*; въ *Родѣ* и *Рожаницахъ* олицетворялся рокъ или судьба. У западныхъ славянъ упоминаются *Бѣлобогъ* и *Чернобогъ*, какъ представители свѣта и мрака, а вмѣстѣ съ тѣмъ добра и зла; но у насъ такого рѣзкаго дуализма не было, хотя кромѣ свѣтлыхъ божествъ были и такія существа, въ которыхъ олицетворялись вредныя и разрушительныя явленія природы. Такъ смерть и все мертвящее и разрушающее олицетворялось въ образѣ *Мораны* или *Морены* (лат. mors отъ санскр. mris); одинаковое значеніе съ Мореной имѣло мнѣшеское существо *Нежитъ*, или *Нежитъ*; зима олицетворялась въ образѣ *Бабы-Яги*; зимній холодъ и морозъ—въ образѣ *Кошца* (Поэтич. воззр. славянъ... т. 3, стр. 33—36). Обо всѣхъ упомянутыхъ божествахъ до насъ не дошло никакихъ опредѣленныхъ сказаній, подобныхъ мѣстамъ другихъ народовъ; славянская мифологія не успѣла создать ихъ; сохранялись только отрывочныя указанія на эти божества въ про-

изведеніяхъ народной словесности и въ памятникахъ древней письменности. Между всѣми божествами особеннымъ уваженіемъ у нашихъ предковъ пользовались, кажется, *Дажь-богъ*, какъ богъ солнца, источника свѣта, теплоты и плодородія, *Перунъ*, какъ божество такихъ страшныхъ поразительныхъ явленій, каковы громъ и молнія, и *Волосъ*, какъ богъ скота, составляющаго главное богатство народа въ эпоху какъ кочеваго, такъ и земледѣльческаго быта. Въ честь этихъ божествъ совершались въ разныя времена религіозныя празднества съ разными обрядами, каковы: *Коляда*, *Овсень*, *Купало*, *Ярило* и др. По водвореніи Христіанства, язычество пало: по языческія суетвѣрія долго поминились, такъ что имена нѣкоторыхъ божествъ были перенесены на христіанскихъ Святыхъ, и языческіе праздники слились съ христіанскими праздниками. Мѣсто Перуна заступилъ св. Ілья пророкъ, который и до сихъ поръ въ народѣ считается распорядителемъ грома и молній; мѣсто Волоса заступили свв. Власій, Флоръ и Давръ, которые и нынѣ считаются покровителями скота; на св. Георгія, который признается покровителемъ земледѣлія, перешли, вѣроятно, черты Перуна или самого Дажь-бога. Подобно тому, и языческіе праздники присоединились къ тѣмъ христіанскимъ праздникамъ, къ которымъ они близко подходили по времени совершенія: празднованіе Коляды соединилось съ праздникомъ Рождества Христова, празднованіе въ честь Русалокъ съ праздникомъ св. Троицы, праздникъ Купалы съ днемъ св. Іоанна Крестителя 24 іюня. Къ этимъ праздникамъ и относятся старинныя обрядныя пѣсни: *Колядскія*, *Овсеньскія*, *Семикія*, *Купальскія*.

а) **Колядскія и Овсеньскія пѣсни.** Первымъ праздникомъ въ честь Дажь-бога или солнца и вмѣстѣ началомъ стараго языческаго года, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, былъ зимній праздникъ, во время такъ называемаго *солнцеворота*, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда, послѣ долгихъ ночей, начинается прибывать день, когда, по народному выраженію, *солнце поворачиваетъ на лѣто*. Близкое совпаденіе этого праздника съ церковнымъ праздникомъ Рождества Христова было, конечно, причиною того, что въ христіанскія времена онъ примкнулъ къ празднику Рождества и сталъ отправляться 24 декабря, наканунѣ Рождества, или во время самого Рождества. Въ Великороссіи онъ отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или цѣлую рождественскую недѣлю молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величая хозяина, хозяйку и дѣтей ихъ, и просятъ денегъ, пироговъ и проч. ('). Въ пѣсняхъ

(') Въ Бѣлороссіи подобный обычай соблюдается на великъ день или Пасху. Подобно колядующимъ, въ первый день Пасхи, ходятъ тамъ *волокобники* (отъ слова

обыкновенно величается *Коляда*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Овсенъ*, *Авсенъ*, *Таусенъ*; потому онѣ называются *Колядскими* и *Овсеновыми*. Слово *Коляда* производятъ отъ латинскаго слова *Calendae* (Коляда у поляковъ *Colęda* отъ *caleo*, разгорячаться, горѣть, что указываетъ на жаръ солнца). Было ли это слово названіемъ само-го Дажь-бога, или только праздника въ честь его, опредѣлить трудно. Въ числѣ особыхъ божествъ Коляда не встрѣчается въ памятникахъ древней письменности; въ пѣсняхъ же она упоминается большею частію въ видѣ прицѣва. Въ одной изъ колядскихъ пѣсенъ говорится:

«За рѣкою, за быстрою
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Лѣса стоять дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвцы
Поютъ пѣсни Коліодушки.
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ:
Онъ точитъ свой будатный ножъ.
Котель кишитъ горючій.
Возлѣ котла козель стоитъ.
Хотятъ козла зарѣзати...» (1).

Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы въ лѣсахъ: старикъ съ ножемъ—жрецъ, приносившій жертву, а козель—самая жертва. Для языческихъ жертвъ, во время праздника, собирались, вѣроятно, приношенія: во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разные подаянія. Вотъ Коліодка, при которой собираются подаянія:

«Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
На канунѣ Рождества.

лечить, бродить) молодые парня съ пѣнями и музыкой и за славленіе выпрашиваютъ подарки—яица, пироги, водку, а иногда цѣлое угощеніе. Смотри. Бѣлорусскія пѣсни г. Безсонова стр. 20. У южныхъ славянъ Колядѣ соответствуетъ праздникъ *Божича*.

(1) Сахар. Сказ. рус. нар. т. I. кн. III. стр. 16. Оканчаніе этой пѣсни взято изъ сказки о *царевичѣ козленочкѣ*.